РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ

№ 1, сентябрь 1993 г.

Журнал выходит один раз в два месяца

Издатель журнала:
Многопрофильная хозяйственная ассоциация «Прикамье» (г. Набережные Челны)

Адрес редакции: 107078, г. Москва, а/я 540
Телефоны: 206-32-82, 206-25-51,
факс: 206-20-64

Международный индекс: ISSN 0869-8376

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Рег. № 0110630 от 11 мая 1993 г.

Розничная цена — договорная,
по рассылке: 240 руб. + почтовые расходы

Номер отпечатан в Первой Образцовой типографии. Москва.

Следующий номер журнала (№ 2) выйдет в свет в ноябре 1993 г.

Подписка на первое полугодие 1994 г. принимается без ограничений в отделениях связи Российской Федерации.
Индекс: 73345

Сдано в набор 31.07.93. Подписано в печать 01.00.93. Формат $60 \times 84\ ^1/_8$. Офсетная печать. Объем 20 п. л. Тираж 20 000 экз. Заказ № 2542

Вы раскрыли первый номер нового общероссийского журнала, уважаемые наши читатели.

Он родился в дни, до крайности наполненные бедами и тревогой. Но так уже бывало в истории нашего Отечества. И Россия выходила из смут, высвобождалась от наваждений. Выйдет и на этот раз. И не по предначертаниям умствующих столичных правителей, а мудростью и делами людей, которые населяют ее многочисленные земли, зовущиеся провинцией — подмосковные и поволжские, северные и южные, уральские и сибирские...

Воистину прав был великий историк, писатель и гражданин Николай Михайлович Карамзин: «Россия сильна провинцией». Ибо и в самом деле обильна она природными богатствами и многообразна укладом жизни, неиссякаема талантами и терпением, трудолюбием и совестливостью.

Сегодня едва ли не большинство общероссийских изданий по разным причинам по своему духу, своим ценностям и интересам стали, в сущности, изданиями столичными. Мы хотим, чтобы наш журнал был голосом провинции, голосом «снизу» — из глубины. Потому что и раньше, и теперь он почти не был слышен. И еще потому, что и замысел этого журнала родился в провинции — в городе Набережные Челны, и издается он на средства, которые дают организации из российской провинции.

Разумеется, было бы нелепо, если бы редакция стала чураться авторов из Москвы и Петербурга. Мы будем их печатать, и в большом числе. Однако и в этих случаях нам интересен взгляд на мир не сквозь призму заемных «концепций» и «моделей», сугубо книжных представлений о своем народе, а жизненный и бескорыстный.

«Российская провинция» — журнал не только о провинции и для провинции: он и о России в целом, а, стало быть, для всех, кому интересна Россия.

Сегодняшняя российская провинция это невиданное в мире многоцветье укорененных этносов с общей исторической судьбой и общим будущим. Журнал будет обращен к интересам всех народов России.

Сегодняшняя российская провинция — это громадный слой интеллигенции, которая не оторвалась от народа, не ужалена жаждой предводительства и не мнит себя судией, а плоть от плоти сам этот народ. Журнал «Российская провинция», мы надеемся, станет изданием прежде всего для этого слоя интеллигенции, ее трибуной.

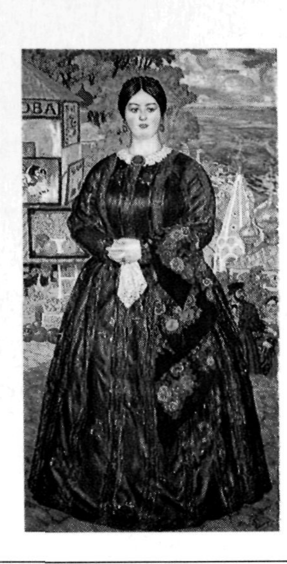
Россия больна политикой, расколота партийными идеологиями и националистическими движениями. Конечно, «человек — животное политическое» (Аристотель), а издание безо всякого направления — нелепость. Журнал «Российская провинция» не принадлежит и не будет принадлежать ни к какому политическому течению. Мы надеемся, что это будет ***нормальный*** *журнал — о том в жизни, что выше всякой идеологии и любых политических страстей. Таково его направление.*

Итак, журнал начал свою жизнь. Он будет искать своего читателя. Мы надеемся, что и он найдет нас.

Главный редактор
ВАДИМ ЧУРБАНОВ,
доктор философских наук,
профессор

РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

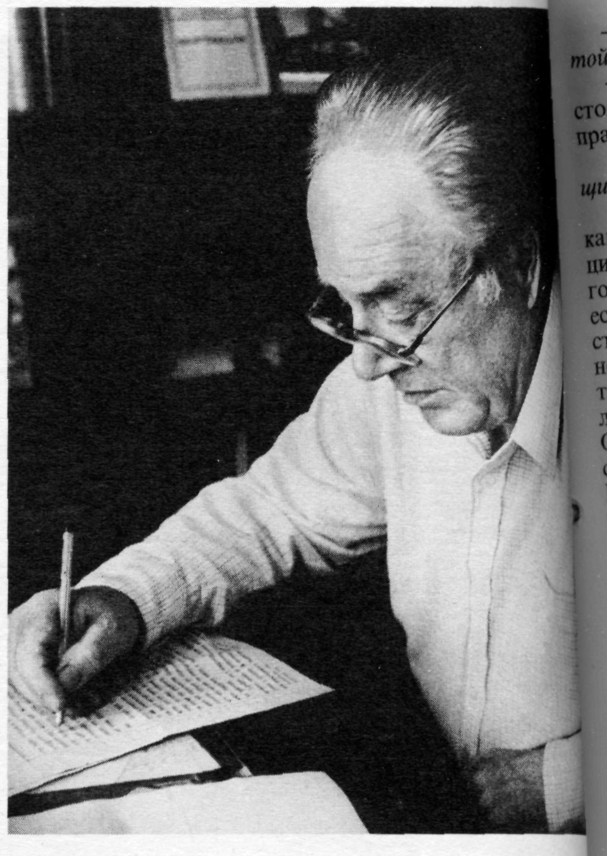
На первой обложке: репродукция с картины Б. Кустодиева «Купчиха»

На третьей обложке: г. Набережные Челны. Фото В. Салмана

На четвертой обложке: фрагмент картины Б. Кустодиева «Масленица»

НИКИТА МОИСЕЕВ:

«Я ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ОППОРТУНИСТ...»

ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЕ, ВЛАСТИ И НОВОЙ РОССИИ с действительным членом Российской академии наук Никитой МОИСЕЕВЫМ беседует журналист Василий УСТЮЖАНИН.

Никита Моисеев. *Ученый с мировым именем, академик. Возглавляемой им научной школе принадлежит приоритет в разработке концепции «ядерной зимы», ставшей научной сенсацией 80-х годов. В Вычислительном центре Российской академии наук он отрабатывает версии глобальной модели биосферы. Автор многочисленных книг по проблемам коэволюции человека и биосферы, стратегии выживания современной цивилизации, Председатель Совета по анализу критических ситуацийи проектов правительственных решений, член Президентского Совета.*

— Никита Николаевич, как вы пережили распад Советского Союза?

— Как всякий русский человек: с болью. И с грустью. Но я ведь одновременно оцениваю ситуацию и как ученый. И это мое второе «я» принуждает воспринять все случившееся как «данность». А данность такова: образовавшаяся новая Россия — это некое географическое понятие. Как часть, вырванная из единого организма, она и сама целостного организма уже не представляет. Почему так сложилось — самостоятельный вопрос. Но для меня, ученого, ясно — обратного хода уже нет. Теперь гораздо важнее думать о том, как это географическое понятие превратить в целостный организм. Вот здесь огромную роль будет играть интеллигенция — ее авторитет, сознание, ее представления о сущем, о том, что хорошо, что плохо.

— Но интеллигенция сейчас сама на распутье. Она-то особенно болезненно восприняла крушение идеалов и идолов — ведь сама навязывала их обществу.

— Не совсем так. Ибо была интеллигенция и Интеллигенция. Первая — это скорее некий идеологический фантом. Вторая — моральная и научная категория. Фантомы действительно создавали кумиров, строили им пьедесталы, отливали в бронзу. Интеллигенция же подлинная выполняла свое прямое предназначение — писала музыку, книги, готовила научные концепции, разрабатывала технические проекты, лечила, учила, то есть служила государству, людям, а не системе. Вот эту Интеллигенцию я и имею в виду.

— Тем не менее выработка представлений о том, что хорошо, а что плохо, дается ей чрезвычайно тяжело.

— Конечно. Ибо эти представления не могут выработаться, как сейчас говорят, «демократическим путем». Требуется время и время, огромные интеллектуальные усилия, чтобы новое знание после соответствующей адсорбации выкристаллизовалось, а затем воспринялось в сознании остальной части общества. Так что разговор об этом мне представляется очень фундаментальным и важным.

— Вы использовали выражение «остальная часть общества». Надо полагать, прежде всего имеются в виду руководители государства — правительство, парламент, которые полномочны материализовать идеи...

— Говоря «остальная часть общества», я как раз не имел в виду правительственные структуры. Я вовсе не считаю, что наше правительство, Верховный Совет представляют собой интеллектуальную элиту. Отнюдь нет. И ни в одной стране так не происходит. Очень редко элитарность находит выражение в правительствах. Возьмите Америку. Что, Рейган был великим интеллектуалом, принадлежал к интеллектуальной элите? Никак нет. Или уважаемый многолетний президент Франции Миттеран? Он тоже не является представителем элиты. И это естественно. Потому что одно дело формировать представления о том, что хорошо, что плохо, и другое дело — их реализовывать. Это совершенно разные задачи, требующие, если хотите, разных умственных напряжений и деловых качеств. Так же, как командующий и начальник штаба — две совершенно разные фигуры. Это хорошо выразил в свое время Бонапарт. В бою перед Аркольским мостом он кинулся в непредусмотренную атаку. Начальник штаба Бертье его ругал за неосторожность и неоправданный риск. Бонапарт ему на это ответил: «Ты, Бертье, никогда не будешь военачальником. Ты прекрасный начальник штаба. А военачальник должен еще уметь ввязаться в драку». То есть иметь решимость действовать. Поэтому в правительстве лучше иметь умеющих действовать, принимать решения, ввязываться в драку, а интеллектуальная элита пусть нарабатывает концепцию «серого вещества» в обществе.

– Стало быть, речь идет лишь о выработке эли- некиих общих принципов?

– Стало быть, да. Они должны становиться до- нием нации. И тогда могут и будут восприняты вителями, руководителями страны.

– Давайте в таком случае поговорим об этих об- принципах.

– Я скажу о некоторых принципах, на которых, говорится, стою. Я категорический противник на- нальных государств. Потому что национальные ударства есть дань архаике, прошлым столетиям, угодно — мыслительному атавизму. У государ- должно быть территориальное деление. Особен- у таких сложных, как Россия. И понятие суверени- для меня звучит почти бессмысленно. Что значи- в свое время объявление независимости России? чего независимости? Представьте, Англия требует веренитета и выхода из Великобритании. Абсурд! то время, когда все держалось вокруг России, она руг, как малый ребенок, обиделась на Кремль и за- ла о своих правах на независимость. В результате, смотря на то что народ проголосовал за единую щность, величайшее государство мира распалось, несся тем самым удар мировой цивилизации.

– Никита Николаевич, но ведь вы уже сказали, то обратного хода нет. Что ж тут судить-рядить.

– Да, конечно, возврата быть не может. И поэто- у я ищу конструктивные решения в реальности. Сей- с задача интеллектуальной элиты, интеллигенции обще — не допустить развала России, привнести общество ценности, которые бы укрепляли государ- ство. Печальный опыт перестройки должен быть этом смысле глубоко и всесторонне осмыслен.

– Вы государственник?

– Несомненно. Потому что считаю, что только государство способно защитить права человека, обес- печить индивидуальные свободы. Слабое, плохо управляемое государство — несчастье для его граж- дан. Мы этой истины хлебнули сполна.

– Вы заявили себя как противник национальных государств. Но Россия в своем составе имеет 32 наци- онально-территориальных образования, многие из них видят себя полноценными государствами.

– Но есть и другая реальность: каждый из нас чувствует себя не только членом определенного этно- са, но и семьи, и социальной группы. И совокупное это чувство вовсе не является собственно националь- ным. Оно связано скорее с принадлежностью к куль- туре. Культурная историческая общность и есть моя страна. Через нее я воспринимаю и все остальное. Эта общность имеет определенное право на самовыраже- ние и решение многих жизненных вопросов в духе сложившихся традиций.

Поэтому очень важно, чтобы, например, в Татар- стане, где 40 процентов татар, были бы равноправны- ми два языка — татарский и русский. Но не менее важно иметь татарский университет в Москве, пото- му что Москва — самый большой татарский город в России. В нем живет татар в полтора раза больше, чем в Казани. То есть татары должны быть всюду равноправны, независимо от того, где живут, должны иметь свои культурные, учебные, религиозные цент- ры, возможность выпускать газеты. Но с одним «но» — все это не дело правительства. Это дело куль- турных обществ, землячеств, частных лиц. Правитель- ство лишь проводит общие принципы. Точно так же и русские провинции должны иметь большие права в решении множества внутренних вопросов. Ведь это неэкономично да и невозможно — решать все из цент- ра. Это просто-напросто глупо и в то же время оскор- бительно для людей, которые там живут.

Заключу: этнический принцип построения государ- ства ведет в средневековье, к закату цивилизации. Ибо он не может не основываться на насилии, на ущемлении гражданских прав людей. А значит, на взаимной недоброжелательности, ненависти, если хотите — на духовной инквизиции и прочих средневековых «прелестях».

— Это один принцип. Какой же еще?

— Я бы его назвал так — принцип иерархии конституций. Если в стране нет высших законов, которые чтут все ее граждане,— это уже не государство, а одна его видимость. Надо выбирать: или действительно единая и целостная Россия, или гибельный разгул амбиций политиков, националистической «образованщины», мафий.

То же и с системой образования. Мы увлекаемся плюрализмом образования. И напрасно, ибо забываем, что есть некие общие принципы развития человечества в целом. Сейчас мир идет к унификации образования, к формированию некоторых универсалей. И они должны быть четко зафиксированы. От отсутствия универсалей страдают американцы. У них очень плохая система образования, они сами об этом говорят и вносят много изменений. Там человек имеет докторскую степень, но это не означает, что он настоящий доктор. Все зависит от того, в каком университете он ее получил. У нас же человек, получающий докторскую степень по математике,— это уже ученый с определенным и достаточно высоким уровнем мышления, образования.

Сегодня важнейший долг интеллектуальной элиты всего человечества — создать общность культурного и интеллектуального пространства. Без этого невозможно экономическое объединение мира. А без экономического объединения невозможно решение глобальных проблем экологии. Без решения же глобальных проблем экологии невозможно обеспечить существование человека в будущем. Так что все связано в одно целое. В этих условиях роль интеллектуальной элиты становится особенно важной. Ибо придется формировать стратегические перспективные представления.

— Вы имеете в виду представления, которые раньше формировала КПСС?

— Да, в Советском Союзе эта роль принадлежала партии. И, надо признать, страна смогла добиться определенных успехов. Сегодня КПСС нет и, надеюсь, никакой монопольной партии больше не будет. Будет много разных партий. Но это не значит, что нация — под нацией я понимаю совокупность жителей данной страны — не будет иметь некоего общего идеологического стержня, общенациональных целей. Их формирование входит в круг задач интеллектуальной элиты.

— Как вы представляете себе общенациональные цели России?

— Я считаю, уже давно пришло время говорить о державности. Россия занимает такое геополитическое положение, что имеет возможность занять достойнейшую нишу в планетарном сообществе XXI века — достойную своего народа, своей культуры, своей истории, превратиться в действительно первоклассную державу. Это важно для всех, ибо обеспечит людям стабильность существования, благополучную жизнь, возможность эффективно использовать собственный потенциал — интеллектуальный, нравственный. И эта цель реальна. Я считаю, что одна из бед нашего правительства, президента и его окружения, что они мало говорят об этом с народом. Нация должна почувствовать свое достоинство, уверенность, что она многое может, что не выброшена на свалку истории, как некоторые пытаются это представить. В этом смысле молодцы американцы — державный дух они чтут свято и подпитывают его, не считаясь ни с какими расходами.

— Давайте поговорим о геополитике. Советский Союз был крупнейшей морской державой. Сегодня он лишился практически всех портов, за исключением

дальневосточных. «Куда ж нам плыть?» Советский Союз потерял множество сырьевых регионов, стратегических военных баз. На Украине без технического присмотра остались более тысячи ядерных боезарядов. Миллионы русских людей остались вне исторической Родины. Как в этих сокрушительных условиях нация сможет обрести заново достоинство? Какие особенные слова, уникальные проекты, глобальные решения помогут вдохнуть в нацию энергию созидания?

— Тут важен сплав слов и дел. Мне всегда хотелось обратиться к южнорусскому региону — Северный Кавказ, Ростовская, Астраханская, Волгоградская области. В этом регионе сформировался своеобразный южнорусский этнос со своими традициями, сложной межнациональной и межсословной мозаикой. Теплое море, хороший климат, плодоносные земли даруют уникальную возможность развить технологии, которые обеспечат выживание человечества в XXI веке. Во всех этих областях есть интересные региональные программы развития. Но не хватает понимания места региона в государственной структуре России. Стало быть, надо состыковать эти программы с единой общероссийской. Почему к ним не обратился президент с такими словами: «Вверяем вам одно из важных направлений нашей жизни»? Тут, конечно, роль местной интеллектуальной элиты была бы очень велика.

Второй пример. Красноярский край. Там много сейчас говорят о самостоятельности. Но правда в другом заключается. На самом деле мы вынуждены говорить не о Красноярском крае, а о Енисейском регионе, в котором все коммуникации следуют с севера на юг и которые по существу делят Россию на две равные части — западную и восточную. В будущем этот огромный регион в 11,5 миллиона квадратных километров, который населяют шесть миллионов человек, должен стать стержнем России. Он должен быть связующим звеном между Востоком и Западом. Смотрите, ведь сегодня нет уже двух сверхдержав. Есть одна сверхдержава, а когда есть одна — это значит ноль сверхдержав. Потому что, чтобы поддерживать себя на необходимом уровне, США нужно всегда иметь врага. В ближайшие десятилетия такой враг не появится.

Никому не нужны США как сверхдержава, никому не нужны гегемоны, все заняты своими делами, грядет экологический кризис, масса всяких проблем, которые гораздо важнее всей этой гегемонистической глупости.

Но в мире есть три центра экономической власти: это США, Западная Европа (Атлантический регион) и Тихоокеанский регион, в котором действуют не только Япония, но и новые, быстроразвивающиеся страны — Китай с его 12 процентами роста валового национального продукта, Индонезия, Филиппины. А что такое Россия? Она связывает все в единое целое. Все коммуникации идут через Россию. И потому роль общефедеральных и региональных программ становится особенно зримой. Енисейский край связывает часть России, которая обращена на запад, и часть, которая обращена на восток. Действительно, самый короткий путь из англичан в китайцы, как я говорю, идет через Северный морской путь. Енисейский регион может стать мировым торговым и научным центром, своего рода северным обручем планеты.

Как только Северный морской путь начнет работать круглогодично, эффективность Норильского металлургического комбината, всех северных предприятий возрастет во много раз. Да, это трудно организовать мгновенно. Но ведь всегда важно видеть перспективу. Только тогда нация живет, когда она видит перспективу. Не говоря уже о том, что самый короткий железнодорожный путь из Владивостока в Петербург идет опять же через Сибирь. Общество должно об этом думать. Интеллигенция, живущая в провинции, должна понимать, что это ее дело. Значительно в большей степени, чем дело московской интеллигенции. Ко мне приезжают люди из разных городов России, и я вижу, как прежде молчаливое большинство начинает активно влиять на формирование новых взглядов, вырабатывать концептуально новые подходы. В этом смысле, как говорил когда-то

Я вообще считаю, что судьба России всегда решалась в провинции

М. Горбачев, действительно «процесс пошел». Образуются многочисленные фирмы, занимающиеся научным анализом, техническими консультациями, поддержкой и помощью в принятии решений. Это важная вещь. Но нужно нечто большее.

Я приведу пример. Прошла атака японцев на Перл-Харбор в 1942 году. В Вашингтоне собралась группа обеспокоенных ученых: Перл-Харбор выявил техническое отставание Америки во многих областях. Нужно было решительно менять научно-техническую, промышленную, военную политику. Ученые собирались с тех пор постоянно — как правило, один-два раза в месяц и обсуждали самые разные вопросы, которые возникали в США — политические, экономические, технические, технологические, социальные, военные. К ним на заседания приходили тогдашний президент Рузвельт и его советник Гарри Гопкинс. Они слушали, иногда задавали вопросы, иногда обращались с просьбами подумать. Ученые были связаны с научными, промышленными кругами, проблемы денег не было, поэтому регулярно заказывались работы. Формировались спецгруппы. Причем группы формировались по принципу: только из самых блестящих представителей нации. Эта система существовала до конца второй мировой войны, а по ее завершении новый президент США, Трумэн, который был совсем не таким простачком, как мы его представляли, все это научное сообщество формализовал и превратил в мощнейшую корпорацию «Рэнд корпорэйшн» — неправительственную некоммерческую корпорацию, ученый совет которой назначался правительством. Это крупнейшие ученые, бизнесмены, они определяют основные задачи, которые должны решать президент, конгресс, правительство. Имеется и банк «Рэнд корпорэйшн». В него помещают деньги корпорация и государство, которое является основным акционером «Рэнд корпорэйшн». Эти деньги банк пускает в оборот и зарабатывает прибыль,

ально основной капитал банк не имеет право ть. И, наконец, имеется дирекция «Рэнд корпо-», она формируется на основе распоряжений ого совета. Заработанные банком средства идут ормирование, как мы бы их назвали, временных ных коллективов из специалистов, которые рабо-т в самых разных сферах науки и в разных местах. е всего, заключив контракт с «Рэнд корпорэйшн», век уезжает туда работать — контракты бывают трех месяцев до трех лет.

Вот такая организация дела позволяет выбрать лу-х из лучших. По сути «Рэнд корпорэйшн» выиг-холодную войну. Конечно, ее еще и проиграла на-система. Но в формировании современной систе-США, направлений ее развития «Рэнд орэйшн» сыграл несомненно выдающуюся роль. аких образований теперь в США немало. Они по-ляют руководству страны все время держать руку ульсе науки.

Проблема интеллектуальной элиты и власти име-два аспекта: один — общецивилизационный, связан-й с формированием исходных принципов, которые могут быть навязаны человеком, партиями, а дру-й – реально-прагматический, использование наибо-е грамотных людей для решения конкретных задач ценки проектов развития.

– Никита Николаевич, но вы являетесь Председа-ем Совета по анализу критических ситуаций. значит, тоже имеете возможность самым пря-м образом влиять на формирование государствен-й политики.

– Я скажу очень обидную для правительства ь: оно не нуждается в услугах ученых. И пошло, ни странно, это после того, как к руководству пра-тельством пришли интеллигентные люди из акаде-ческой науки.

– Вы имеете в виду Гайдара?

– Прежде всего, конечно, его. Я знал Гайдара еще о семинарам в Институте системных исследований, гда он был еще по существу мальчиком, кажется, спирантом или уже кандидатом. Я помню, как он бе-ал вприпрыжку по институтским коридорам. Я тог-а спрашивал: «Кто это так лихо бежит?» Мне гово-ят: «Это внук Гайдара». Потом я знал его по журна-у «Коммунист», где я был в составе редсовета, а он аведовал отделом. Я к нему очень хорошо относил-я. Хотя и никогда серьезно. Потому что видел, что то еще не настоящая образованность. Но когда он пришел к власти вместо Силаева, я очень обрадовал-я. Потому что я знал Силаева — человека просто ма-лообразованного. Я был связан с авиационной про-мышленностью и в низкой квалификации тогдашнего министра убеждался не однажды. Поэтому от моло-ых членов правительства я ожидал многого. Но что роизошло?

Предыдущее правительство было правительство ремучих невежд. Но они были хитрыми мужиками, головастыми и, самое главное, понимали, что они многое не знают и что без ученых не обойдешься. Я много раз бывал на совещаниях у министра оборо-ны Устинова. Меня как ученого из Вычислительного центра Академии наук всегда приглашали на святая святых — заседания военно-промышленной комиссии. Я помогал рассчитывать варианты, давал рекоменда-ции, делал экспертные оценки, заключения. То есть меня использовали. А когда я говорю «я», то имею в виду целую команду, которая со мной была связана. И мы действительно работали, видели, что наши ре-комендации выполняются, во всяком случае принима-ются во внимание. Да, они принимали решение по правилам собственной игры, слов нет, но решения эти имели под собой необходимые научные обоснования.

Молодое правительство Гайдара было укомплек-товано людьми более образованными, но все-таки полуобразованными и недостаточно компетентными. Там, конечно, были и есть очень грамотные специали-сты, такие, как министр экологии Данилов-Данилян. Но в среднем это все-таки полуобразованное прави-тельство. Они не получили фундаментального универ-ситетского образования. Они получили отвратитель-ное советское экономическое и советское обществен-ное образование. А наиболее образованные люди в той же экономике прошли через мехмат, физфак, физтех, другие технические вузы. Так вот, нас юные правительственные руководители не приняли. Я пи-сал немало писем Гайдару как председатель Совета по анализу критических ситуаций при правительстве. Увы, этот совет мне так и не удалось запустить в ход. Нас курировал вице-премьер Бурбулис, который ока-зался совершенно здесь несостоятельным. Совет сей-час не работает. Бурбулис не сделал главного. Совет должен был иметь хотя бы ученого секретаря, кото-рый координировал бы работу. А мы все тянули на общественных началах. Все делал я сам. Мы издали две брошюры. Одна называется «Стратегия выжива-ния». Другая — «Принципы формирования региональ-ной политики». По обеим брошюрам мы провели парламентские слушания. Я сам бегал, доставал день-ги на издание брошюр, искал типографию, где их на-печатать, искал бумагу. Писал массу писем во все ин-станции. И все — на своем компьютере. Моя комната была фактически помещением Совета. Бурбулис соб-рал нас пару раз, а потом потерял к нам всякий инте-рес. А затем и к нему все интерес потеряли. Может, если бы он к нам не потерял и к нему бы не потеряли.

Но больше всего меня удивил Гайдар. Почему он не привлек действительно образованных людей? Это значит только то, что он был убежден: его знаний до-статочно, что, выучив Хайека, Фридмана, он уже до-статочно образован. Он просто не знал, что член-кор-респондент Академии наук, глубочайший специалист в области экономики Петров Александр Александро-вич давно читал Хайека и Фридмана — еще до того, как они были изданы в России. Нам понадобилось, увы, немного времени, чтобы обнаружить: вся интел-лектуальная элита, которая аплодировала приходу Гайдара и его команды, оказалась не у дел. А нам ведь ничего не нужно было. Прошу правильно по-нять. Принципиально не нужно нам власти, благ, но нам нужно, чтобы нам задавали вопросы, чтобы мы работали на пользу страны, своей державы. Поймите такую вещь: научно-техническая и творческая интел-лигенция есть сила, в которой особенно сильно чувст-во корпоративности. Эта сила разлита по всей не-объятной России. И мы должны понимать эту об-щность, использовать ее. А гайдаровская команда этого не понимала. Я надеюсь на Черномырдина, он практик и, возможно, будет больше обращаться к нам. Пока этого нет.

— Но вы еще и член Президентского Совета.

— Понимаете, какая вещь? Я шел туда с надеждой на работу. А попал на заседания. Это разные вещи. Поэтому я чувствую себя там странно. Мне интересно там бывать. Я иногда что-то там говорю, главным об-разом в кулуарах. Но я вижу, что меня не очень пони-мают, потому что там политики. А я не политик. По-литик должен разбираться во множестве разных нюан-сов, до которых ученому нет дела. Он должен знать, как Иванов с Петровым умеют ладить, что предло-жить Сидорову для того, чтобы тот поддержал Ива-нова, а не Петрова. Эти бесконечные узелки, которые надо ежедневно распутывать. Но этого же недостаточ-но. Должна быть и другая сторона. И я к ней принад-лежу. К стороне, которая занимается конструктивны-ми вещами. Помню заседание Президентского Совета за несколько недель до референдума. Я сказал, что бы-ло бы хорошо организовать несколько выступлений Ельцина, раскрывающих перспективу развития нашей

державы. Собчак недоуменно пожал плечами, даже не поняв, что я сказал. А Гавриил Харитонович Попов, когда я сел на место, сказал: «Ну, Никита Николаевич, вы в своем стиле». То есть тоже не захотел понять. Они политики. А я говорил о другом, что в Президентский Совет включаются и «белые вороны». Только нужно, чтобы их было больше.

— «Белые вороны» вы произнесли без обиды?»

— Я просто считаю, что людей научно-технического плана должно быть в Президентском Совете больше. Да, в политике мы не разбираемся. И не надо нам в ней разбираться. Вот мы с политологом Андраником Миграняном — он тоже член Президентского Совета — на эту тему разговаривали. Я ему, к слову, завидую: отчаянный политик. Он все знает, все понимает: почему тот сказал это, почему произошло так, а не этак. А я, как чудак, слушаю. Но он зато многого не понимает в том, что я понимаю. Он считает, что сочетание людей разных взглядов полезно. Но я ведь по существу являюсь единственным представителем Академии наук в Президентском Совете. Есть еще, правда, генеральный директор ВАЗа Владимир Васильевич Каданников, наши с ним выступления пересекаются: и он тоже прагматик, в политику не вдается.

— Нынешнего президента России вы тоже не относите к представителям интеллектуальной элиты?

— Вы читали, конечно, Толстого. Там помните, совет в Филях. Генералы по очереди говорят, Кутузов всех выслушивает. И заключает: «Быть посему». На Президентском Совете люди тоже выслушиваются, но «быть посему» не произносится. Поэтому непонятен результат. Для меня ведь, ученого, всего важнее именно результат. Одно я могу сказать: Борис Николаевич внимательно слушает, никого и никогда не перебивает. И это уже приятно. Но разговоры чисто политические, к сожалению. В них я не могу быть по-настоящему полезен. Наш президент, конечно, не принадлежит к интеллектуальной элите. И худого в этом ничего нет.

— В свое время интеллигенция весьма активно поддерживала Горбачева. Но очень скоро разочаровалась в нем. Не является ли это причиной нынешнего чрезвычайно осторожного хождения интеллигенции во власть.

— Она не могла не разочароваться в Горбачеве потому, что он сын своего века, своей партии. Он очень талантливый человек, я знаю его еще с 1975 года, отношусь к нему с уважением. Помогаю ему, когда бывает нужно. Раньше помогал в Ставрополе. Сейчас он Президент Международного Зеленого Креста, я помогаю ему в создании концепции этой экологической организации. Он иногда обращается ко мне с просьбами, и я с уважением к ним отношусь. В 1986 году я написал ему большое письмо, отнес прямо в канцелярию на Старой площади. Я высказывал свои взгляды на то, как делать перестройку. Он мне, правда, сказал, что этого письма не получал. Может быть, и не получил. Концепция, предложенная им, существенно отличалась от моих предложений. Я видел, что энтузиазм интеллигенции скоро погибнет. Потому что интеллигенция думала о стране, о позитивных вещах, а не о свободе «трепа». А пошло все по линии «трепа».

— А что вы предложили в письме?

— Я исходил из того, что экономики всех передовых стран смешанные. Удельный вес госсектора в Швейцарии, например, до 65 процентов, в Канаде — 40 процентов. Первое из моих предложений — реорганизовать государственный сектор на основе корпораций, которые могли бы участвовать в рыночной борьбе. Не абстрактная свобода хозяйственной деятельности, а создание корпораций с государственным капиталом, имеющих потенциальные возможности конкурировать на международном рынке.

— Идеи приватизации госсобственности были в вашей концепции?

— Любой вариант приватизации крупной промышленности суть ограбление. К слову, понятие «приватизация» есть только в бывших социалистических странах. На Западе его не понимают. Там в ходу понятие «акционирование», при котором привлекаются частные капиталы. Другое дело — продажа мелких

Я спрашиваю: «Кто это так лихо бежит?» Мне говорят: «Это внук Гайдара».

предприятий, объектов торговых — это нормально. Но сначала надо организовать стабильную валюту. Только в рамках двух первых позиций можно заниматься перестройкой структур, которая была необходима. И все это надо было делать на фоне принципиального изменения военного статуса сверхдержавы. Мы пошли по другому пути.

— Но чтобы реализовать вашу концепцию, требовались сильное государство и сильная власть.

— Если вы думаете, что КПСС могла выполнить функцию сильной власти, то ошибаетесь. На самом деле КПСС не обладала особой властью. Власть имели промышленные бароны. Вот против них и были направлены мои предложения. Надо было преодолеть монополию отраслевых элит. А тогда и роль КПСС автоматически начала бы меняться. Но сейчас к этому возвращаться мало смысла. Я сказал уже, что все воспринимаю как данность. Мне из этой данности и хочется делать выводы.

— У вас в кабинете портрет Бухарина. Кто он для вас?

— Понимаете, я считаю преступным отмахиваться от опыта, которым мы 75 лет жили. Бухарин был искренним революционером. Я же — искренний эволюционер, принципиальный оппортунист. И за это я благодарен Бухарину. Задача интеллектуальной элиты в том и состоит, чтобы найти способы преодоления нынешнего кризиса без революций. Революции в современную эпоху отбрасывают общество назад. В начале XX века Россия вошла в «серебряный век». Это определение не случайно, потому что звучала русская музыка, процветали русская поэзия, изобразительное искусство, был великолепный театр. И темпы экономического развития были очень высокие. Революция нарушила связи, остановила поступательное движение. Я много читал Бухарина, Луначарского. Они были увлечены пафосом революционной борьбы. Сейчас пафосом революции увлечено немалое число бывших и новых партократов, которые рвутся к раз-

...ению России и приобретению капиталов, а так... ...циональных элит, которые тоже рвутся к богат... И задача интеллектуальной элиты — по воз... ...ности обуздать эти порывы. Выработать иную ...дигму развития, при которой всем будет лучше. ...нимаю, что сейчас эра Клондайка. Понимаю, что ...люди, рвущиеся и вырвавшиеся наверх, полны не... ...ятнейшей энергии — всех припереть к стенке и по... ...ть в собственность половину страны. Но их вре... ...йдет. И вот тогда придет время серьезных разду... ... фундаментальных решений, где роль ...винциальной интеллигенции и интеллектуальной ...ты будет решающей. Я вообще считаю, что судьба ...ссии всегда решалась в провинции.

– *Так ли? Революции, заговоры, мятежи, пере...ройки вызревали в России всегда в столицах — Пе...бурге, Москве. Настоящий интеллигент вообще ...провинции у нас и состояться-то не может. Ему, ...тобы раскрыть миру свои дарования, обязательно ну... ...о ехать в столицу, в крупный город. И Ломоносов ...том смысле изъезженный, но показательный при...*

– Что касается вашего со мной несогласия, то вы ...вы лишь отчасти. Да, революции вызревали в сто...лицах, но утихомиривала общественные бури провин..., волноломы останавливали политические штор... именно там. То есть не в Москве и Ленинграде ставилась последняя точка. Именно в этом смысле и говорю о том, что судьба России решается в провинции. Она всегда спасала Россию. Дружины Минина и Пожарского формировались в русских городах. Гитлеровское нашествие поглотило российские провинциальные города. А вот прецедент Ломоносовых — это беда нашей централизации. Да, во Франции тоже едут в столицу, в Париж, чтобы себя показать. Верно. В Нью-Йорк, Вашингтон, Лос-Анджелес едут, чтобы себя показать. Но одновременно там есть знаменитый центр в Нью-Хэвене, где действует знаменитый Йельский университет, в Бостоне есть знаменитый Массачусетский технологический институт, есть научный центр в Чикаго. Есть масса мелких городков с огромным потенциалом интеллектуалов.

Сейчас классическая городская цивилизация переживает кризис. И я думаю, что следующее поколение будет совершенно по-другому устраивать свою жизнь. В мире будет очень много небольших городов. Конечно, обязательно должен быть и крупный город, там концентрируется научная мысль, накапливается своего рода критическая масса. Без критической массы ничего не получится. Но сейчас задача в том, чтобы критическая масса накапливалась и в провинции: она сейчас не должна отдавать судьбу России в ненадежные руки Москвы. ■

Наука, которая называется логикой,— гордость человеческой мысли — часто бывает совершенно беспомощной там, где индивидуум, не обремененный никакими научными познаниями, находит правильные решения. Как ребенок в толпе одинаково одетых мужчин находит своего отца? Что такое интуиция, заставляющая военачальника угадывать замыслы врагов или руководителя находить выходы в «безвыходных ситуациях»? Все это пока скрыто от нас, и в термине искусственный «интеллект» последнее слово надо брать в кавычки. Человек, только человек способен назначить цели в сложных противоречивых ситуациях!

Н. Моисеев. Люди и кибернетика. М., 1984

...За последние 200—250 лет европейская цивилизация создала ряд грандиозных синтетических (объединяющих) теорий, позволяющих увидеть единство окружающего мира, глубочайшую взаимосвязь разнообразных факторов. Благодаря им системное мышление становится постепенно естественной нормой. И эти системы взглядов, эти теории были не просто философскими системами. Они раскрывали механизмы, управляющие развитием, и, следовательно, открывали возможность предвидеть ход событий, дать им не просто качественную, но и количественную оценку.

Мощность человеческой цивилизации, ее способность влиять на ход событий общепланетарной эволюции становится столь значительной, что в принципе она способна разрушить сложившуюся ситуацию, сложившееся состояние биосферы, которую мы условно назовем равновесной. Конечно, сегодня человек еще не способен уничтожить биосферу напрочь. Но под его воздействием она может перейти в новый равновесный режим. И каков он будет, об этом мы сегодня сказать пока ничего не можем. И даже не знаем, будет ли место для человека в этой новой биосфере. Поэтому на передний план научного анализа выходят проблемы таких оценок альтернатив человеческой деятельности, которые не нарушают гомеостазиса человечества как вида, не разрушают, а обеспечивают совместное развитие человека и биосферы. Без подобных оценок нельзя говорить о какой-либо стратегии целенаправленного развития общества, о достижении вообще каких-либо целей.

Н. Моисеев. Люди и кибернетика. М., 1984
